

Пролог

Париж, 1944

Они срывали звезды. Грязные пальцы с обломанными черными ногтями дергали, рвали, скребли. Кто бы мог подумать, что в них еще оставалось столько сил? Одна женщина зубами перекусывала нити, которыми звезда была пришита к ее изодранному жакету. Она, наверное, была когда-то хорошей швеей. Те, кому удавалось содрать звезды, швыряли их на землю. Какой-то мужчина плюнул на свою звезду. Кто бы мог подумать, что у него еще было чем плевать. И силы на это. Во рту у Шарлотт было сухо и мерзко от обезвоживания. Мужчины, женщины, дети яростно втапывали в грязь истрепанные клочки ткани, одевая пожухшим покровом горя этот окруженный колючей проволокой клочок французской земли.

Присев на корточки возле Виви, Шарлотт принялась распускать стежки, которые удерживали звезду на

ее замызанной розовой кофте. По закону желтую звезду были обязаны носить только дети от шести лет и старше, а дочери было всего четыре, но кофта досталась им от другой девочки, которую в порыве бюрократического отчаяния власти впахнули в поезд на Восток, где не хватало последней из тысячи запрошенных душ. Шарлотт успела забрать кофту себе, опередив остальных, — в лагере им разрешалось иметь личные вещи, если таковые еще у кого-то остались, — но звезду она спарывать не стала. Носить одежду с темным шестиконечным пятном на том месте, где была звезда, посчитали бы дерзостью, пускай даже тебе всего четыре года, а напрашиваться на неприятности им не стоило. Теперь Шарлотт наконец могла спороть эту звезду. И только когда с этим было покончено, она встала и принялась за свою.

Всю оставшуюся жизнь, сидя в самолете и слушая стюардессу, которая с улыбкой рассказывала о том, что в экстренной ситуации сначала нужно надеть кислородную маску на себя, а потом уже на ребенка, она вспоминала это утро и думала, что на стороне авиалиний — логика, но никак не сердце.

Ту сцену она наблюдала на площади в Дранси, в пригороде километрах в десяти к северо-востоку от Парижа, уже не в лагере для содержания и депортации евреев, коммунистов, социалистов и других врагов Рейха. Не зная она раньше, что здесь безопаснее, чем в хорошо знакомых и привычных для нее местах, — ее убедило бы то, что происходило здесь в этот день. Ей не

хотелось смотреть, но почему-то она была не в силах отвести глаза: ненависть завораживала ее, страх лишал возможности двигаться.

Женщину ту они раздели до нижнего белья — бюстгальтер, трусы. Заношенные, посеревшие клочки былой скромности или достоинства, а может, полузабытого чувства приличия, из лучших времен. Бюстгальтер был разорван на одном из сосков — результат недавнего насилия либо былой страсти, сложно сказать. Старик с испятнанной табаком бородой протянул грязную руку и ущипнул розовую плоть. Толпа заревела от восторга. Молодой человек, гордо размахивавший винтовкой, тыкал ею в женщину, толкая ее то в одну сторону, то в другую, пока та не зашаталась на высоких каблуках, которые до сих пор были на ней. Туфли делали ее наготу еще более непристойной. Когда женщина пошатнулась, толпа углядела коричневое пятно сзади на ее изодранных панталонах. Опять же, трудно было сказать, след ли это того ужаса, который происходил с ней сейчас, или неопрятности в прошлом, но толпа заревела громче. Рев этот поглотил звон церковного колокола и продолжался, когда колокол уже затих. Было всего два часа дня.

— *Collabo*^{*}, — пронзительно завизжала какая-то женщина в толпе.

— *Collabo horizontale*^{**}, — вторила ей еще одна, и повсюду в толпе женщины подхватили крик, передавая его друг другу, как в иных обстоятельствах передавали

* Коллаборационистка (*фр.*).

** Здесь: шлюха; фашистская подстилка (*фр.*).

бы ребенка. И то и другое было следствием примитивного инстинкта защиты, пускай в данном случае они защищались от самих себя. Только самые ожесточившиеся или забывчивые, только те, кто ни разу даже не кивнул из вежливости расквартированному у них солдату, никогда не пробормотал *merci*, если немец придержал перед ними дверь, — только они не могли бы представить себя на месте этой женщины, которая корчилась сейчас от стыда, пока ее волосы сальными прядями сыпались на землю. Прошли те деньки, когда в доме у нее водились мясо, яйца и шампунь с черного рынка.

Шарлотт подумала о собственных волосах, которые от недоедания вылезали — клоками. С этим она смирилась, но вот когда у нее в руках начали оставаться тоненькие волосики Виви, Шарлотт перестала их расчесывать — как будто из этого мог выйти какой-то толк.

Женщины в толпе завывали от ярости, но мужчины — особенно те, кто молчал, — были куда опаснее, и не только потому что в руках у них были винтовки, ножницы и бритвы. От мужчин несло сексуальным насилием. Некоторые держались за пах, пока остальные толкали, щипали женщину, орали на нее. Другие — потные, ухмыляющиеся — утирали слюну с губ тыльной стороной ладони, облизывались, будто пробуя общее возбуждение на вкус. Их страна потерпела поражение. Они были унижены. Но это торжество мести, торжество справедливости, эта полуобнаженная женщина, запятнанная кровью, слезами и испражнениями, — это снова делало их мужчинами.

Двое парней — лет им было по шестнадцать-семнадцать, не больше — начали подталкивать женщину, чья бритая голова блестела под лучами солнца, косо бившими мимо церковного шпиля, к грузовику, который стоял на углу площади. Три женщины, лежавшие в кузове, — одна практически нагая, две другие полуодетые — даже не подняли головы, когда парни швырнули к ним новенькую.

Теперь толпа сжималась вокруг очередной женщины. Эта была при ребенке. Грязное хлопковое платье болталось неподпоясанным, один рукав был оторван напроочь, но все-таки платью на ней было. Быть может, присутствие ребенка пристыдило мужчин, а может, всего лишь понизило градус сексуального напряжения. Она не прижимала ребенка к груди, как матери обычно держат детей, а несла его под мышкой, будто сверток. Его ножки бессильно свисали, голова на тонкой шейке, лишенная поддержки, завалилась набок. Маленькое личико было сморщено, глаза крепко зажмурены, чтобы не видеть окружающее.

Шарлотт подхватила Виви, которая цеплялась за ее юбку, и прижала лицо дочери к своей шее. На то, что здесь происходило, не стоило смотреть ребенку. Никому не стоило на это смотреть.

Один из мужчин, который, кажется, был тут за главного — если здесь вообще мог быть кто-то главный, — схватил женщину за волосы и толкнул ее к *tondeur**. Звук, который она при этом издала, был больше похож на бляенье, чем на крик. Шарлотт ожидала, что

* Стригаль (*фр.*).